

УДК 94(410) «1830/1833»: 327

Седнев С. С.

**НАЧАЛО "ЭРЫ ПАЛЬМЕРСТОНА" ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ, 1830–1833 ГГ.**

В течение XVII–XVIII вв. Англия (с 1707 г. – Великобритания) постепенно шла по пути превращения в мировую державу. Вместе с тем, формировалась и внешнеполитическая доктрина, в основу которой легла система принципов и методов, созданная и проверенная ранее Венецианской республикой. С помощью венецианских политических технологий Лондон добился своих основных успехов на мировой арене. Но главным, чему англичане научились у венецианцев, было то, что самая большая сила в мире – это сила идей, и если держава в состоянии контролировать культуру другой нации, она может контролировать ее образ мышления, и тогда политики и армия будут покорно выполнять ее волю.

Проникновение идей протестантизма и принципов свободного рожествова способствовало постепенному становлению так называемой "венецианской партии" в политических кругах Англии. Распространение учений Контарини и Сарпи способствовало утверждению радикального протестантизма и контаринианского католицизма, то есть утверждению "интеллектуальной империи" и перенесению венецианских методов в Англию. Опорой этому служило перемещение финансовых накоплений, создание торговых компаний и формирование купеческого класса.

Подобно Венеции, Великобритания стала высокомерной, аристократической, связанной традициями даже в жизненном укладе. В ней отсутствовали социальные напряжения [1, с.67]. Итальянская республика, таким образом, оказала значительное влияние на развитие и формирование внешней политики Британской империи.

Проблематика, связанная с внешней политикой Великобритании и деятельностью в этой области Г. Дж. Пальмерстона, была и остается весьма актуальной. Без изучения этих вопросов любое исследование истории международных отношений середины XIX в. было бы неполным. Поэтому историография этой проблемы достаточно обширна [2].

В то же время, учеными практически не подвергались детальному изучению вопросы о влиянии деятельности Пальмерстона на развитие событий периода бельгийского кризиса.

Именно поэтому можно сделать вывод о необходимости дальнейшей разработки и изучения проблемы. Вместе с тем, наличие

документальных и, прежде всего, недавно опубликованных архивных материалов, создает объективные возможности для достижения этой цели [3].

Как известно, первая половина XIX ст. стала временем окончательного складывания Британской мировой империи. К этому моменту страна создала мощную передовую промышленность, обладала внушительным военно-морским и торговым флотом, а также располагала обширными колониальными владениями. Все это позволило ей занять главенствующую роль в мировой политике.

Тенденции экономического развития диктовали необходимость поиска свежих внешнеполитических идей, перехода от насильственных методов к дипломатическим маневрам. Главным выразителем этого подхода стал Г. Дж. Пальмерстон (1784–1865), выдающийся английский государственный и политический деятель, в 1830 г. возглавивший Форин оффис. Член палаты общин с 1807 г., ранее он занимал посты младшего лорда Адмиралтейства (1807–1809) и военного министра (1809–1828) [4, с.332].

Он был представителем старой английской аристократии, либералом, сочувствующим справедливости и прогрессу, однако враждебный требованиям демократии.

После падения министерства Годерича (1828) Пальмерстон оказался слишком "умеренным и либеральным" для строго консервативного кабинета Веллингтона и, таким образом, впервые очутился в рядах оппозиции.

С этих пор его внимание было обращено преимущественно на иностранные дела. В июле 1829 г. Пальмерстон произнес в палате общин речь, касающуюся внешней политики, которая имела громкий резонанс в парламенте и обществе. За два года деятельности в оппозиции Пальмерстон сблизился с вигами и связал свою судьбу с этой партией, членом которой оставался до самой смерти.

В своей политике он твердо придерживался следующих трех принципов: поддержание мощи и престижа Великобритании, сохранение "баланса сил" в Европе и установление – где только возможно – либеральных правительств, лояльных по отношению к Лондону. Он действовал открыто, заявляя в парламенте: "...Каждый британец – житель нового Рима", объявляя тем самым о создании всемирной империи. Международная ситуация в полной мере способствовала возвышению Великобритании.

Для Европы начало 30-х годов XIX в. было периодом политической нестабильности, вызванной ростом революционных и национально-освободительных движений. Особое место в международных отношениях того времени занимал "бельгийский вопрос".

25 августа 1830 г. в Брюсселе вспыхнула революция. Бельгийский народ, который в 1815 г. насильственно, вопреки его

интересам, языку и религии, стал частью населения Голландии, потребовал административной автономии. А уже через месяц бельгийцы учредили у себя временное правительство, которое с 4 октября стало действовать независимо [5, с.267].

Все это вызвало серьезное беспокойство в британских правящих кругах. Голландия и Бельгия еще с XVII в. постоянно находились в орбите английских экономических, политических интересов, и нестабильная ситуация в этих странах могла нанести им серьезный вред. К тому же, эта территория на протяжении многих лет была ареной англо-французской борьбы [6, с.29]. В противостоянии морской державы Великобритании и континентальных стран решающую роль имел контроль над устьями рек, впадающих в Северное море, то есть – над прибрежными зонами Голландии. Эти территории приобрели новое кардинально важное геополитическое значение и покушение на них "континенталов" немедленно вызывало бурную реакцию Альбиона [1, с.32]. Поэтому британской дипломатии надо было спешить, чтобы не отдать инициативу в решении "бельгийского вопроса" французам [6, с.29].

В Форин оффисе были склонны признать отделение Бельгии от Голландии с одним лишь условием, что эта страна не попадет в зависимость от Франции [7, с.269]. В начале ноября 1830 г. Великобритания открыто выступила в поддержку отделения Бельгии от Голландии.

Независимая Бельгия была важна для Великобритании с точки зрения европейской стратегии. Во-первых, "поддержка бельгийской революции являлась тяжелым ударом по Венской системе" [Цит. по: 6, с.28]. Во-вторых, основополагающим принципом политики главы Форин оффиса было сохранение "баланса сил" путем поддержки "слабого против сильного". В-третьих, внешнеполитическая доктрина Великобритании предполагала помощь национально-освободительным и революционным движениям, что, в свою очередь, было обусловлено интересами торгово-промышленной буржуазии, заинтересованной в новых рынках сбыта продукции в Европе.

Основным противником такой политики Великобритании оставалась Россия. Будучи верным принципам 1815 г., русский царь все еще надеялся на совместную акцию держав-участниц Священного союза. Однако, 8 октября 1830 г. в своем докладе Николаю I вице-канцлер К. В. Нессельроде сообщил об отказе союзных держав от планов вооруженного вмешательства в бельгийские дела [3, с.109].

Оценив сложившуюся обстановку, на Даунинг-стрит пришли к выводу, что Священный союз больше не в состоянии активно вмешиваться в европейские дела. Более подходящего момента для решения "бельгийского вопроса" в пользу Великобритании могло бы и не представиться. Поэтому в конце октября 1830 г. премьер-министр

Веллингтон выступил с инициативой о созыве конференции пяти великих держав, которая должна была состояться в Лондоне.

Лондонская конференция открылась 2 ноября 1830 г. Ее участниками стали: от России – Ливен и Матушевич, от Франции – Талейран, от Австрии Эстергази и Весенберг, от Пруссии – фон Бюлов, от Великобритании – лорд Абердин [5, с.69].

Но вскоре Пальмерстон сменил на конференции Абердина и стал ее центральной фигурой. Этому способствовал ряд благоприятных факторов: конференция проходила в Лондоне, что было очень удобно для Пальмерстона. Он мог более оперативно и гибко строить свою политику, используя преимущество "родных стен"; позиции Великобритании существенно укреплялись сотрудничеством с Францией; большую роль играло экономическое могущество Альбиона.

Пальмерстон решил действовать по принципу "разделяй и властвуй", превращая каждую страну в марионетку, вассала и жертву британской имперской политики. В очередной раз континент ощутил применение венецианских политтехнологий. "Когда мне задают вопрос... что именно зовется политикой, единственный ответ таков: мы намереемся придерживаться того, что может показаться наилучшим в каждой конкретной ситуации, и делать руководящим принципом интересы нашей страны", – признавал глава Форин оффиса [Цит. по: 8, с.74].

Пальмерстон с самого начала взял инициативу в свои руки, предложил признать независимость Бельгии при условии выполнения ею своих обязанностей, обозначенных конгрессом 1815 г. Вскоре и остальные участники конференции поддержали это предложение. 20 декабря 1830 г. оно было оформлено специальным протоколом, подписанным уполномоченными России, Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции [10, с.749–750]. "...Союз Голландии и Бельгии в какой бы то ни было форме можно было бы восстановить, лишь прибегнув к принуждению в обеих странах и предоставив в распоряжение короля иностранную армию...", – анализировали протокол Х. А. Ливен и А. Ф. Матушевич в депеше от 24 декабря 1830 г. на имя вице-канцлера К. В. Нессельроде [3, с.212]. "Мы высказываем мысль", – продолжали они, – об отделении Бельгии, но подчеркиваем, что Бельгия, будучи отделена от Голландии, все равно должна выполнять свои обязательства перед Европой, а это в представлении английского министерства – и в нашем тоже – означает, что она будет по-прежнему служить барьером против Франции" [3, с.214]. По мнению представителей России, после обретения независимости Бельгия должна будет "находиться под гарантией пяти держав, предусматривающей, что в случае вторжения на ее территорию одной из этих держав, четыре других обявят ей войну" [3, с.215]. "Такое постановление явилось бы возобновлением Четверного союза 1813, 1815 и 1818 гг.", – пишут они, и

заключают: "Мы, однако, уже можем заверить, что оно отвечает также личным взглядам и намерениям лорда Пальмерстона" [3, с.212–215].

Действительно, 20 января 1831 г. Пальмерстоном был составлен протокол, определивший границы нового государства и провозгласивший его "вечный нейтралитет" [6, с.30]. Согласно этому документу, статус Бельгии как нейтрального государства и ее территориальная целостность гарантировались державами-участницами [9, с.759–761].

Пальмерстон привел в пользу нейтралитета следующий довод: "бельгийцы во все времена были беспокойным и бунтующим народом. Казалось необходимым принудить его в известной степени к мирной жизни и заставить его обратить все свое внимание на торговлю и промышленность, благодаря которым бельгийцы будут с каждым днем все более опасаться Франции и будут все более расположены к Голландии" [Цит. по 10, с.450–451]. Из этого мы можем сделать вывод, что Пальмерстон, отстаивая независимость Бельгии, имел в виду, прежде всего, ее независимость от Франции, в то время как новый статус защищал Бельгию от любых последующих посягательств.

Такой подход, преимущественно, был продиктован интересами британской экономической элиты. В стремлении "открыть" бельгийский рынок Пальмерстон продолжил дело одного из лидеров "венецианской партии" Шелбурна, возглавлявшего Форин оффис и внешнюю разведку, и утверждавшего, что индустриальное преимущество Великобритании дает ей право требовать свободы торговли. Это и объясняет заинтересованность английских правящих кругов в свободном проникновении английского капитала в Бельгию.

Однако для полного утверждения британского влияния в этой стране Пальмерстону предстояло решить в пользу Великобритании вопрос о выборе бельгийского короля. Его успешное решение во многом предопределяло будущую внешнеполитическую ориентацию Бельгии [6, с.31].

Изначально лорд Пальмерстон обещал поддержать кандидатуру принца Оранского, но уже в 1830 г. он убедился, что партия Оранского в самой Бельгии малочисленна и поэтому имеет мало шансов на успех. С целью убедить в своей правоте союзников, он инициировал поездку в Бельгию барона Крюденера, в результате чего кандидатура принца Оранского была отклонена участниками конференции [5, с.76–77]. В сложившейся ситуации Ливен и Матушевич докладывали вице-канцлеру Нессельроде: "...было уже предложено два других варианта. Один – избрать государем Бельгии герцога Немурского, дав ему в супруги дочь герцога Кембриджского. Этот план слишком профранцузский, чтобы получить одобрение лондонского кабинета. Второй – доверить суверенную власть принцу Леопольду Саксен-Кобургскому, который вступит в брак с одной из дочерей Луи-Филипа. К этому предложению британское министерство относится довольно благосклонно" [3, с.214].

Избрание королем герцога Немурского было нежелательно для Лондона, так как усиливало бы французское влияние в Бельгии. Этого Пальмерстон допустить не мог [6, с.31]. "...Мы рассматриваем, что восшествие герцога Немурского на бельгийский престол, – писал он премьер-министру Грею, – равносильно союзу Бельгии и Франции, и мы не можем согласиться как с одним, так и с другим; я совершенно уверен, что другие европейские державы придерживаются такой же точки зрения по этому вопросу, и, по моему личному мнению, передача короны герцогу Немурскому вызовет большую войну в Европе" [Цит. по: 11, с.216].

Правда, Луи Филипп, не желая обострения отношений с Великобританией, отказался от короны, предложенной его сыну, несмотря на уже состоявшееся 3 февраля 1831 г. избрание бельгийским Национальным конгрессом герцога Немурского [6, с.31].

Вопрос был окончательно решен под давлением Пальмерстона и 4 июня 1831 г. бельгийским королем был избран Леопольд.

Но нерешенность вопросов границ, финансов и торговли между Бельгией и Голландией привели к нарушению сроков принятия государствами постановлений конференции от 20 января и утверждению ею нового протокола.

9 июля Национальный конгресс утвердил мирные условия, Леопольд принял корону, но король Нидерландов отказался от навязанных ему условий, и голландская армия вторглась в Бельгию. Леопольд I обратился за помощью к французскому правительству. Франция, все еще надеясь на "получение выгод" от Бельгии, незамедлительно откликнулась на просьбу. 12 августа 50-тысячный корпус французской армии занял Брюссель. Голландская армия вынуждена была отступить [7, с.284–285].

Такой шаг Парижа возмутил всех участников конференции и особенно главу Форин оффиса. "Одно ясно – французы должны уйти из Бельгии, или начнется война, и война в ближайшие дни", – заявил он [Цит. по: 12, с.103]. И хотя французские войска вскоре покинули территорию Бельгии, Пальмерстон, по-прежнему не желавший усиления французского влияния в этой стране, предложил конференции изменить свое решение. 15 ноября 1831 г. по его инициативе державы-участницы заключили окончательный договор с Бельгией, менее выгодный для нее [6, с.32].

Однако голландский король вновь отказывался признать соглашения и в соответствии с ними вывести свой гарнизон из Антверпена [6, с.33].

К сентябрю 1832 г. ни один вопрос не был решен. Тогда Бельгия снова обратилась за помощью к великим державам. Французское правительство было готово и на этот раз прийти на помощь. В этих условиях Уайтхолл не мог допустить, чтобы Франция в одностороннем порядке вмешивалась в бельгийские дела. [7, с.292–294].

22 октября 1832 г. Пальмерстон и Талейран подписали двухстороннее соглашение о принудительном выполнении договора от 15 ноября 1831 г. "Англия в одиночестве не способна добиться выполнения стоящих перед нею задач на континенте; она должна иметь союзников в качестве рабочих инструментов", – пояснял Пальмерстон [13, с.345]. Таким "рабочим инструментом" стала Франция, ощутившая на себе "венедианские" методы Лондона.

После окончательного отказа нидерландского короля вывести войска с территории Бельгии, англо-французский флот блокировал голландское побережье, а французский корпус под командованием маршала Жерара осадил Антверпенскую крепость. Потерпев поражение, Голландия была вынуждена предложить мир. 21 мая 1833 г. в Лондоне между Великобританией, Францией и Нидерландами было заключено соглашение, восстанавливающее между ними дружеские отношения и прекращающее военные действия в Бельгии. Голландский король обязался уважать нейтралитет нового государства, о чем должно было быть заключено непосредственное соглашение между ним и Леопольдом. И хотя Вильгельм I предполагал оттянуть это соглашение новыми придирками, и в течении еще 5 лет отказывался от официального его заключения, фактически после акта 21 мая Бельгия окончательно получила независимость и уже не подвергалась посягательствам со стороны Голландии [7, с.296–297].

Таким образом, сформировавшийся в XIV–XVI вв. "островной" способ существования Великобритании в XIX в. воплотился в ее геополитике как "морской" принцип, определивший ее противостояние континентальным державам. Жизненно важным для Альбиона стал контроль не только над устьями рек севера Европы, но и всеми выходами в море. Этим объясняется особая заинтересованность, проявленная Лондоном во время бельгийских событий 1830 г. На Лондонской конференции Уайтхолл стремился утвердить свое доминирующее положение в международных отношениях. Человеком, который оказался способен реализовать данную цель, стал лорд Пальмерстон.

В борьбе за господство в Европе Великобритания вновь разыграла "венедианскую партию", правда, уже в новых геополитических условиях. Лавируя и меняя тактику, используя особенности революционной ситуации, возникшей, в том числе, и благодаря его умелым манипуляциям, обойдя основных конкурентов в лице великих держав, глава Форин оффиса достиг желаемого результата, а именно – признания независимости и нейтралитета Бельгии. Спокойствие в Европе было сохранено, но и позиции империи значительно укрепились.

Достичь поставленной цели Пальмерстон смог благодаря тому, что управление иностранными делами было поставлено на качественно новый уровень, в результате чего внешняя политика империи приобрела

четкую направленность. При этом нельзя не отметить, что внешнеполитическая линия Пальмерстона во многом отражала противоречивость его личности. С одной стороны, его деятельность во время бельгийского кризиса и Лондонской конференции способствовала превращению Бельгии в независимую державу и сохранению "баланса сил" на континенте, в результате чего в международных отношениях наступил этап относительного затишья. С другой стороны, уже через 15 лет в Европе произошли события, которые заставили забыть о покое в принципе. Революционные потрясения 1848–1849 гг. явились логическим продолжением европейского кризиса 1830–1833 гг. и привели к окончательному краху Венской системы, что позволяет достаточно однозначно утверждать – с самого начала Пальмерстоном руководствовался отнюдь не принципами гуманизма. В основе его внешнеполитической деятельности лежали трезвый политический расчет и ничем не ограниченный национальный эгоизм, что, впрочем, характерно для любого успешного государственного деятеля подобного масштаба. Именно это и позволило ему добиться осуществления своей программы превращения Великобритании в мирового лидера. Некоторые аспекты процесса реализации Пальмерстоном дальнейших этапов этой программы требуют более подробного исследования.

Литература

1. **Дехийо Л.** Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за господство в Европе / Л. Дехийо. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – 314 с.
2. **Жолудов М. В.** Пальмерстон и разработка внешнеполитической доктрины либеральной партии Великобритании / М. В. Жолудов // Внешняя политика Великобритании в новое и новейшее время. – М.: МГПИ, 1968. – С. 25–45; Bourne K. Palmerston: The early years 1784–1841 / K. Bourne – New York: Macmillan, 1982. – 749 p.; Webster Ch. The Foreign Policy of Palmerston 1830–1841 / Ch. Webster // Britain the liberal movement and the Eastern question. – London: Bell, 1951– . – Vol. I. 1951. – 400 p.
3. **Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации / [ред. Севостьянов Г. Н.].** – М.: Международные отношения, 2005– . – Т. XVII. – 2005. – 720 с.
4. **Bourne K.** Palmerston: The early years 1784–1841 / K. Bourne. – New York: Macmillan, 1982. – 749 p.
5. **Намазова А. С.** Бельгийская революция 1830 г. / А. С. Намазова. – М.: Наука, 1979. – 101 с.
6. **Жолудов М. В.** Пальмерстон и разработка внешнеполитической доктрины либеральной партии Великобритании / М. В. Жолудов // Внешняя политика Великобритании в новое и новейшее время. – М.: МГПИ, 1968. – С. 25–45.
7. **Дебидур А.** Дипломатическая история Европы. Священный союз от Венского до Берлинского конгресса 1814–1878 / А. Дебидур – Ростов на Дону: Феникс, 1995– . – Т. I. – 1995. – 478 с.
8. **Seton-Watson R. W.** Britain in Europe: 1789–1914 / R. W. Seton-Watson – Cambridge: Cambridge

Univ. Press, 1955. – 715 p. 9. **British** and Foreign State Papers, 1830–1831. – London: Bell, 1833. – 820 p. 10. **Мартенс Ф.** Собрание важнейших трактатов и конвенций заключенных Россией и иностранными державами / Ф. Мартенс. – СПб.: Типография А. Бенке, 1874– . – Том XI. – 1874. – 900 с. 11. **Webster Ch.** The Foreign Policy of Palmerston 1830–1841 / Ch. Webster // Britain the liberal movement and the Eastern question. – London: Bell, 1951– . – Vol. I. – 1951. – 400 p. 12. **Bulwer H.** The life of Henry John Temple, Viscount Palmerston / H. Bulwer – L.: Bell, 1870–1871– . – V. II – 1870–1871. – 500 p. 13. **Briggs A.** The Age of Improvement 1783–1867 / A. Briggs. – London: Longmans, 1959. – 380 p.

Седнев С. С. Начало "эры Пальмерстона" во внешней политике Великобритании, 1830–1833 гг.

Статья посвящена проблеме формирования внешнеполитического курса Великобритании в 1830–1833 гг. В частности, исследованы деятельность министра иностранных дел Г. Дж. Пальмерстона и его роль в преодолении бельгийского кризиса 1830–1833 гг.

Ключевые слова: Г. Дж. Пальмерстон, внешняя политика Великобритании, концепция "баланса сил", Форин оффис, Уайтхолл.

Седнев С. С. Початок "ери Пальмерстона" у зовнішній політиці Великої Британії, 1830–1833 рр.

Статтю присвячено проблемі формування зовнішньополітичного курсу Великої Британії у 1830–1833 рр. Зокрема, досліджені діяльність міністра закордонних справ Г. Дж. Пальмерстона та його роль у подоланні бельгійської кризи 1830–1833 рр.

Ключові слова: Г. Дж. Пальмерстон, зовнішня політика Великої Британії, концепція "балансу сил", Форін оффіс, Уайтхолл.

Sednev S. S. The beginning of the "era of Palmerston's" in Great Britain foreign policy in 1830–1833

The article is dedicated to problem of British foreign policy's formation in 1830–1833. In particular, the activities of Secretary of State for Foreign Affairs H. J. T. Palmerston and his role in overcoming the Belgian Revolution in 1830–1833 have been investigated.

Keywords: H. J. T. Palmerston, British Foreign Policy, the conception of "Balance of Power", the Foreign Office, Whitehall.